

Восстание или эволюционизм?

Эррико Малатеста

1 ноября 1913

Эррико Малатеста
Восстание или эволюционизм?
1 ноября 1913

Volontà

ru.anarchistlibraries.net

Это старая тема – революция и эволюция, – непрерывно обсуждаемая и непрерывно возрождающаяся, главным образом из-за путаницы, порождаемой различным значением, которое можно придавать этим двум словам. Слово «эволюция» иногда берётся в общем смысле «изменения», и тогда оно утверждает общий факт природы и истории, о котором можно спорить с точки зрения науки, но который никем не ставится под сомнение в области социологии; иногда оно берётся в смысле медленного, постепенного изменения, регулируемого твёрдыми законами во времени и пространстве, которое исключает всякий скачок, всякую катастрофу, всякую возможность ускорения или замедления и, прежде всего, насильственного направления человеческой волей в ту или иную сторону, – и тогда оно хочет противопоставить себя слову и идее революции.

А слово «революция», в свою очередь, в зависимости от того, что лучше подходит к тезису, который хотят защитить, берётся то в смысле радикального, глубокого из-

менения общественных учреждений – и в этом смысле все, кроме разве что религиозных людей, которые верят, что вещи таковы, каковы они есть, по воле Бога и всегда такими останутся, – все могут назвать себя революционерами, если только соблюдают осторожность и откладывают осуществление желанных перемен на самые отдалённые времена (на «зрелые времена», как они говорят); то берётся в смысле изменения насильственного, совершаемого силой против консервативных сил, – и тогда оно подразумевает материальную борьбу, вооружённое восстание с сопутствующими баррикадами, вооружёнными отрядами, конфискацией имущества класса, против которого борются, саботажем средств сообщения и так далее. И поэтому спорили и снова спорят, никогда не приходя к ясному и окончательному пониманию (или непониманию)...

Мы, – перед лицом определённых идей, проявившихся в нашей среде и могущих стать зародышем нового отклонения (в дополнение к парламентаризму, кооператорству, образовательству и так далее) и снова затормозить наше возрождающееся движение, – считаем правильным ещё раз поставить на обсуждение старый вопрос, и, чтобы быть яснее, вместо противопоставления «революция и эволюция» скажем «восстание и эволюция» – и не столько в надежде всех примирить, сколько из желания избежать путаницы и чтобы ясно различить тех, кто хочет сделать революцию сегодня, завтра, словом, как можно скорее, и потому хочет работать над её подготовкой сейчас; и тех, кто, проповедуя, что революцию должны будут сделать наши дети или наши внуки, побуждает людей – пусть даже невольно – стараться извлечь как можно больше из нынешних обстоятельств, не думая о революции, отложенной для будущих поколений, и в результате оказываются застигнутыми врасплох и неподготовленными, когда представляется случай.

стремления; поэтому чем больше пропаганды велось в каком-либо месте, тем труднее дальнейшие успехи.

Но мы далеки от того, чтобы собрать даже в наиболее охваченных пропагандой местностях все доступные элементы и развивать их, когда это возможно, – и что важнее, в Италии есть бесконечное число местностей, целые области, куда анархическая пропаганда никогда не проникала. Поэтому революция – но революция с ясно выраженным анархическим отпечатком, – может сегодня казаться трудной или невозможной. Но если мы будем работать активно и с постоянством, если мы усилим нашу пропаганду в местах, где мы уже существуем, если сделаем всё возможное, чтобы проникнуть, шаг за шагом, в страны, где нас ещё не знают, – мы сможем скоро покрыть большую часть Италии сетью анархических групп, способных к согласию и коллективному действию. И тогда, если у нас будет твёрдая воля сделать революцию, сделать её самим, сделать её сегодня, – тогда подходящих случаев не будет недоставать... а если их действительно не будет, мы их создадим.

бы достаточно, чтобы осуществить их программу, как было достаточно в прошлых и современных революциях. Но мы хотим глубокой революции, которая преобразует все условия жизни, которая поставит весь народ – то есть всех индивидов, составляющих народ, – в состояние, позволяющее непосредственно участвовать в создании новых форм общественного сожительства; и потому от восстания мы не ждём – и не можем ждать – немедленного и всеобщего осуществления наших идей, но лишь создания обстоятельств, более благоприятных для нашей пропаганды и нашего действия, – словом, начала нашей Революции. И этого мы сможем достичь, ибо когда нынешнее правительство будет ниспровергнуто восстанием, когда мы перестанем иметь против себя все силы государства, сосредоточенной в материальной силе армии и полиции, – даже если другие партии, участвовавшие в восстании, будут стремиться, как они, несомненно, будут стремиться, к созданию новых правительств, новых авторитарных и угнетающих органов, – мы не будем обещать народу сделать ему благо, но будем побуждать его сделать благо самостоятельно, овладеть богатством, осуществлять на деле завоёванную свободу, так чтобы народ немедленно почувствовал преимущества революции и был заинтересован в её торжестве и стоял, по крайней мере отчасти, с нами, чтобы противостоять новому ядру, под которое его хотели бы поставить.

Практически: всюду в Италии, где велась пропаганда с известной активностью и известным постоянством, удалось сформировать анархические ячейки, более или менее многочисленные. Надеяться, что эти ячейки будут бесконечно расти, пока не охватят всё население каждой местности или большую его часть, значило бы идти навстречу верному разочарованию. Каждая местность содержит в данных обстоятельствах ограниченное число индивидов, более или менее способных понять и усвоить наши

Вопрос таков.

Чтобы произвести политико-социальное изменение, необходимо ли, чтобы существующий режим исчерпал себя и чтобы в сознании всех, или по крайней мере большинства, сложилось желание и ясное понимание о том, какого рода изменение должно быть произведено? И возможно ли, чтобы в данном общественном режиме сложилось всеобщая сознательность, благоприятная коренному изменению этого режима?

Или не верно скорее то, что всякий режим, рождённый через насильственное навязывание массам, – быть может, и сопротивляющимся, но неспособным к коллективному и сознательному действию с predetermined целями, – стремится укрепиться и заставить себя принять, исправляя свои недостатки, компенсируя наилучшим возможным образом производимое им зло и создавая общественный образ мысли, пригодный для его поддержания; и потому он тем сильнее, чем дольше просуществует? Не верно ли, что революции, прогресс всякого рода совершаются усилиями меньшинств, часто немногочисленных, которые, фактически изменяя (силой, когда речь идёт об учреждениях, которые силой отрицают за меньшинствами право действовать) условия среды и используя тёмные инстинкты, бессознательные потребности масс, увлекают их за собой и ведут по новому пути?

Марксисты, – оказавшие столь большое – и столь пагубное – влияние на течения современного социализма, – усыпляли недовольных и мятежных людей идеями, что капиталистическая система носит в себе зародыши своей смерти, а концентрация богатства во всё меньшем числе рук и растущая нищета фатально ведут к общественным преобразованиям.

А образователи, с другой стороны, верили и до сих пор верят, что распространением образования, проповедью

свободной мысли, позитивной науки и так далее, основанием народных университетов и современных школ можно разрушить в массах религиозный предрассудок, моральную подчинённость государственному господству, веру в священные права собственности и сделать тем самым невыносимым для всех – а значит, неспособным держаться – режим лжи, несправедливости и угнетения, который стремятся уничтожить.

И теперь к этому добавляется доктринёрский синдикализм, который утверждает, что рабочая организация, профсоюз, в силу собственной своей добродетели автоматически ведёт к уничтожению наёмного труда и государства.

Однако сейчас происходит обратное: капитализм расширяется и укрепляется; а марксисты, отказываясь на практике, если не в теории, от догм своей школы, принимают проповедовать и поддерживать реформы, которые, будь они возможны, лишь укрепили бы сам капитализм, смягчив его смертоносные последствия и заменив классовую борьбу соглашением между трудящимися и капиталистами, которое сделало бы более устойчивым и более обеспеченным положение тех и других и стремилось бы избежать тех конфликтов, из которых могла бы родиться революция. А там, где индивидуалистический капитализм оказывается бессилем гарантировать общественную стабильность, то есть увековечение привилегии, его уже готов заменить государственный капитализм, в котором привилегированные вместо капиталистов назывались бы чиновниками, а народ трудящихся был бы сведён к стаду – быть может, чуть лучше накормленному, быть может, чуть менее подверженному превратностям безработицы и старости, но более поработанному, чем при капиталистическом режиме.

С другой стороны, рабочее движение, по мере того как оно расширяется и нормализуется, стремится – как только возможно – оградить ближайшие интересы посредством соглашений с хозяевами и, что ещё хуже, стремится создавать привилегии, а значит, соперничество разных категорий рабочих, и готовить четвёртое сословие, новый класс привилегированных, который оставил бы под собой великую массу, более угнетённую и более неспособную к восстанию, чем когда-либо.

А образователи должны же видеть, сколь бессильны их великодушные усилия, парализованные скудостью средств, преследованиями или по крайней мере глухим противодействием официальных властей и, прежде всего, влиянием среды; и должны с великой болью и великим разочарованием наблюдать, как мракобесие – клерикальное и светское – триумфально господствует против прогресса и распространения науки.

Итак, по нашему мнению, не следует обольщаться, пока сохраняются нынешние экономические и политические условия, надеждой на то, что можно заметно поднять сознательность масс и преобразовать среду так, чтобы сделать её пригодной для осуществления наших идеалов.

Но мир от этого не остаётся неизменным.

К счастью, во всякое время и во всяком месте есть меньшинства, которые в большей или меньшей степени ускользают от влияния среды и способны к моральному бунту, который затем превращается в бунт фактический и может восторжествовать, когда обстоятельства благоприятствуют и разрозненные меньшинства умеют договориться и содействовать общему делу.

И если бы целью была простая политическая революция, простая смена правительства или даже более глубокое изменение, но произведённое усилиями правительства, – победоносного восстания этих меньшинств было